

**FILOOOGIATEADUSED TARTU  
ÜLIKOOLIS**

(Konverentsi teesid - 15.dets. 1982)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В  
ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

(Тезисы конференции - 15 дек. 1982г.)

**ТАРТУ 1982**

стилистическому диссонированию качество нового художественного стиля, способа описания человеческой личности. Стилистическая неоднородность крекшинской биографии Петра I – свидетельство стилистической подчиненности автора описываемому объекту. Складывая сюжет о царе-избавителе, Крекшин смешал ораторские периоды из панегириков, эпизоды жития, куски эсхатологических пророчеств, деловые и парадные документы эпохи. Творение Крекшина обладало необыкновенной правдивостью (которая, впрочем, осталась не оценена ни современниками, ни потомками). Все составные элементы повествования были, вместе с тем, составными элементами того языка, на котором осуществлялось осознание деятельности Петра им самим и его современниками. Этот язык не обладал стилистическим единством.

Подобно Крекшину, автор истории Ваньки Каина соединил традиционный скоморохий стиль, очевидно, присущий репликам и поведению реального прототипа, и делопроизводственные документы, столь же непосредственно связанные с деятельностью и личностью реального Каина. Получившееся произведение было абсолютно правдиво, но в литературном отношении к самостоятельному бытованию не приспособлено. В нем была точность эмпирического факта, а не достоверность художественного построения.

Стилистическая неоднородность – такое же свойство нового личностного характера, как и социальная подвижность. Социальная неустойчивость людей переходной эпохи порождала в них острое чувство социальности, питавшее мощные народные движения ХУП-ХУШ вв. Вместе с тем, отсутствие единого предустановленного жизненного стиля обостряло восприимчивость к стилям индивидуальностей, из которой могло вырасти представление о стилистической многосложности индивидуальных проявлений личности.

Через стилистическую какофонию первых опытов шел путь к новой литературной системе художественных стилей с их многофункциональностью. В "какофонии" ранних жизнеописаний воспитывалось сознание стилистической сложности человеческого облика, проявившееся позже у Державина.

Итак собственно русские жизнеописания переходной эпохи по существу не литературны. Они остались лишь явлениями действительности, почвой для будущих достижений. В них следует видеть не завершение литературные конструкции, а дальнейшие процессы, на некоторых этапах застывшие в форме текстов.

#### МАКИАВЕЛЛИ И ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ БОРЬБА В РОССИИ 1860-х годов

П.Рейфман

Кафедра русской литературы ТГУ

Имя Макиавелли, его идеи, возникшие в эпоху итальянского Ренессанса, неоднократно привлекали к себе внимание на протяжении ряда веков, в самых разных странах, и осмысливались с разных точек зрения, но почти всегда в большей или меньшей степени спроэцированных на современность. Теория, сформулированная Макиавелли, вышла далеко за те рамки, которые имелись в виду ее автором. Интерес к ней не утрачен до наших дней. В ней видели то выражение неприкрытого цинизма в политике, воплощение крайней степени безнравственности и презрения к народу, то отражение плодотворных взглядов патриота, страстно преданного своей родине, желающего объединения Италии, процветания ее.

Не случайно совсем недавно к проблеме Макиавелли и его места в культуре Ренессанса обратилась редакция журнала "Новый мир". В № 7-8 за 1981 г., под рубрикой "В мире науки", напечатана обширная статья К.Долгова "Ренессанс и политическая философия Макиавелли", где делается вывод, что знаменитый итальянец – один из самых крупных и замечательных представителей эпохи Возрождения; его наследие имеет интерес не только исторический и культурный, но и идеологический и политический: "Покуда существует буржуазное общество, буржуазное государство, буржуазная политика со всеми ее основными антагонистическими противоречиями ... до тех пор личность Макиавелли и его политическая философия будут оставаться в высшей степени актуальности".

Интерес к воззрениям Макиавелли одна из характерных особенностей русской литературно-общественной мысли 1860-х гг. До этого времени Макиавелли известен русскому читателю больше по наслышке. С его произведениями можно было познакомиться лишь по подлиннику, либо по переводу на один из европейских языков (как знакомится с ними герой незаконченного произведения Чернышевского "Теория и практика"). В 1860-65 гг. издатель Н. Тиблен выпускает собрание сочинений английского "Искры" (изд. "Русской книжной торговли", в типогр. Тиблена).

Незадолго до этого, в 1866 г., в Петербурге была опубликована книга Ю. Жуковского, в то время радикального публициста и критика, одного из соредакторов некрасовского "Современника", "Политические и общественные теории XVI века". Одна из частей ее - "Макиавелли и Томас Мор" - апологетическая характеристика личности Макиавелли и его учения. По мнению Жуковского, Макиавелли и Томас Мор - две замечательные личности, опередившие свое время, знаменующие полный разрыв со школастикой; но Мор - мечтатель, Макиавелли же - реалист, блестящий знаток человеческой природы, общественных отношений: "Макиавелли, возвышаясь недосягаемо над эпохой, вносит здравый смысл в суждения общественных явлений и здравый взгляд на человеческую природу". Жуковский целиком приемлет утилитаризм Макиавелли, ориентировку его на реальную жизнь, признание добра и зла, правды и лжи понятиями "не безусловными, а относительными": "правда и неправда определяются практическим отношением к жизни". Средства, предлагаемые Макиавелли, Жуковский сравнивает с хирургической операцией, которая жестока, но оправдывается благим исходом для больного. Но мнению Жуковского, люди все равно "считают одинаково дозволенными и безразличными все средства, для достижения своих целей, то пусть же эти средства лучше служат общим целям и общественному добру, чем целям частных партий, пусть приносят что-либо доброе обществу, а не новый вред". Подобного рода рассуждения ориентированы, помимо прочего, на отдельные высказывания Добролюбова, на воззрения Чернышевского, роман "Что делать?", теорию "разумного эгоизма".

Сам Чернышевский относился к Макиавелли довольно сочувственно. В "Предисловии к русскому переводу истории XVI сто-

летия Шлоссера" он хвалит историка за то, что тот "знает людей, как их знали Монтэн и Макиавелли". В статье "Г. Чичерин как публицист" Чернышевский ставит Макиавелли в ряд выдающихся историков прошлого (Фукидид, Тацит, Тьери и др.), умевших последовательно проводить "в своей истории свои политические и общественные убеждения". О Макиавелли идет речь в "Политике" № 8 - Август 1859 г., № 9 - Сентябрь 1859 г., в "Письме из провинции", приписываемом Чернышевскому, в замечаниях на "Введение в историю XIX века" Г.-Ф. Гервинуса. И великий историк Т. Маколея. Уже в первом томе (1860) помещен обширный очерк о Макиавелли. Маколей пользовался в то время и в Европе, и в России большой популярностью, о чем писал Чернышевский в "Очерках гоголевского периода", в "Заметках о журналах", в статье "Нынешние английские виги". В последней Чернышевский, в частности, приветствует намерение Тиблена издать сочинения Маколея. Интерес к Маколею, к его сочинениям уже сам по себе обеспечивал внимание к очерку о Макиавелли, помещенному почти в начале первого тома.

В трактовке Маколея Макиавелли не злодей, а выразитель морали итальянского общества его времени, незаурядный человек, гармонически сочетающий в себе качества практического политика и теоретика, искренний патриот, принимающий все, что могло освободить порабощенную родину, изгнать чужеземных тиранов. Сходным образом деятельность Макиавелли осмысливалась и участниками национально-освободительного движения середины XIX в., Александром Гавацци, которого сочувственно цитировал Добролюбов.

Макиавелли симпатичен Маколею, идеологу английской буржуазии, как трезвый практик, знаток человеческой природы, хорошо понимающий реальную обстановку, не заносящийся в заоблачные выси. В то же время, оправдывая Макиавелли, стремясь дать историческую оценку его учения, Маколей считает, что средства здесь продуманы гораздо глубже, чем цели, что ум Макиавелли - острый, но нездоровий - ум иезуитов, что часто он прибегает к натяжкам, к подтягиванию фактов под гипотезы. Тем не менее Маколей решительно отделяет Макиавелли от "гнусных тиранов", владык Италии, чернивших память автора "Государя" и одновременно использовавших его теорию в

своих практических действиях. Макиавелли, по Макохеву, спрашивает и то, что он не мог предвидеть общественные учреждения, отличные от тех, которые он наблюдал в жизни.

В 1869 г. выходят два издания Макиавелли на русском языке: "Монарх", переведенный с немецкого Ф. Затлером, с предисловием и замечаниями немецкого переводчика Реберга, и "Государь" (Il Principe) и "Рассуждения на первые три книги Тита Ливия", перевод с итальянского под редакцией Н. Курочкина, литератора революционно-демократического круга, поэта эпохи Макиавелли трактуется как знаток человеческой натуры, мастер политического расчета. В письме детям (весна 1878 г.) резко критикуя философию современных "натуралистов", называя ее "идиотской галиматьей", Чернышевский противопоставляет ее "гениальной галиматье" "великих софистов, подобных Канту или Гоббсу, Макиавелли или ученикам Лайнеса, истинного основателя... мезуитского ордена - Лайнеса, которому дурак Лойола служил лишь парадной куклой". Весьма знаменательно одновременное сближение здесь Макиавелли с великим Кантом и мезуитами, довольно сочувственная оценка всего названного ряда имен, учения которых, по Чернышевскому, опровергнуты временем, не заслуживают ныне серьезных опровержений, но все же гениальны. Большое значение имеет тема Макиавелли и в юношеской неоконченной повести Чернышевского "Теория и практика", герой которой, Серебряков, основываясь на Макиавелли, формулирует теорию трезвого и разумного расчета, в какой-то степени являющуюся зародышем "разумного эгоизма".

Неоднократно обращается к имени Макиавелли и Добролюбов. В статье "Непостижимая странность" запрет сицилийскими властями сочинений Макиавелли и Алфьери рассматривается как попытка подавить свободолюбивую мысль. В статье "Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура" Макиавелли отнесен к числу лучших людей Италии, патриотов, мечтавших о свободе своей страны, его имя названо рядом с именем Данте. В статье "Александр Гавацци и его проповеди" приводится ссылка этого сподвижника Гарибальди на "слово великого Макиавелли", направленное против папы. С точки зрения Жуковского на Макиавелли

перекликается высказывания Добролюбова в статье "Литературные мечты прошлого года" об отношении новых людей к отысканным понятиям, к пользе человечества, к способам достижения цели.

Другая точка зрения намечена в художественных и публицистических произведениях Ф. М. Достоевского, в спорах об иезуитах, о проблеме цели и средств (см. объемистый труд Ю. Ф. Самарина "Иезуиты в их отношении к России"). Противоположность названных точек зрения во многом определила специфику общественно-литературной полемики 1860-х гг.

#### MIHKEL VESKE TARTU ÜLIKOOOLI ÕPPEJÕUNA

H. Rätsep

TRÜ eesti keele kateeder

1874.a. sügisel loobus Tartu ülikooli eesti keele lektor tsensor C. F. Mickwitz ülikoolitööst ja ülikooli nõukogu valis uueks eesti keele lektoriks Mihkel Veske, kes oli 1873. aasta mais Leipzigist Tartusse tagasi jõudnud filosoofiadoktorina. 1872.a. lõpul oli ta kaitsnud Leipzigü ülikoolis esimese eestlasena doktoriväitekirja soome-ugri keelte alal ja taotlenud mitmelt poolt töökohta. Oli luhtunud võimalus saada Inglismaal M. Müller'i abiliseks sanskriti tekstide väljaandmisel; lootus leida tööd Peterburist ei täitunud, sest tema ülikooliõpinguid toetanud suurvürstinna Jelena Pavlovna suri; teoloogide vastuseisu tõttu ei õnnestunud tal saada eesti keele õpetaja kohta Tartusse kihelkonnakoolmeistrite seminari.

5. oktoobril 1874.a. pidas M. Veske ülikoolis avaloengu teemal "Soome-ugri keelte ajaloolisest arengust indogermaani keeltega võrreldes ja eesti keele grammatika meetodist", mida kuulas ülikooli nõukogu eesotsas rektoriga. Loengus astus ta vastu A. Schleicher ja H. Steinthal'i väitele, nagu oleksid soome-ugri keeled aglutineerivad, ning püüdis tõestada eeskätt läänemerresoome ainestiku põhjal, et neis keeltes pole sufiksid liitunud sugugi lahtisemalt tüvedele kui indoeuroopa keeltes, et soome-ugri keelte tüved pole sisemiselt muutumatud, mittevahelduvad ja et soome-ugri keeled on samuti häälikuliselt kängunud nagu indoeuroopa keeled. M. Veske näitas,